

АКАДЕМИЯ СТЕРТЫХ ВОСПОМИНАНИЙ

ЛЮБОВЬ ЛИ

18+

Любовь Ли

Академия стертых воспоминаний

<https://litres.ru/74646417>

SelfPub; 2026

Аннотация

Аделин всегда считала, что знает, кто она. Выпускница академии, выдающийся мемуар и человек, которому доверяют. Последний год обещал быть спокойным, однако появление человека в мантии разрушило привычную жизнь. Теперь Аделин предстоит любыми способами узнать правду, тайны прошлого и решить, на чьей она стороне.

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	10
Глава 3.	21
Глава 4.	33
Глава 5.	47
Глава 6.	58
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Любовь Ли

Академия стертых воспоминаний

Глава 1.

Я никогда не думала, что окажусь в подобном месте. И уж тем более не ожидала, что попаду сюда снова.

Директриса ничуть не изменилась. Встречала новых студентов в привычном сером костюме. Профессор Рэйл, ужасно измученный жизнью и бесконечными вопросами, держал в руке старую темно-синюю папку, в которой (я знала) были досье на каждого новоиспеченного мемуара. Когда-то и я смотрела на него со страхом и непониманием в глазах. Сейчас же мы лишь коротко кивнули друг другу, не сказав ни слова. Я вернулась домой. Мне казалось, что академия уже стала моим домом. Домом с маленькими комнатками для учеников, заброшенным садом, бесконечными занятиями и шумными первокурсниками.

Впервые за год погода радовала. Я помнила лишь несколько солнечных дней за все шесть лет обучения. Вечная сырость и серость стали мне приятны, поэтому сейчас хотелось скорее спрятаться в здании, чтобы не ощущать тепло на ко-

же. Я морщилась и ненавистно глядела на мутное солнце, чем привлекла много странных взглядов.

- Вытаращились, будто приведение увидели, - пронеслось в голове.

Я знала каждый вход, каждый уголок этого замка: где прятали сигареты, как можно было срезать путь из кабинета директрисы до моей спальни и где находились все украденные вещи. За шесть лет я только однажды потерялась в этих запутанных коридорах, в день посвящения. Странная традиция - отправлять подростков, которые еще неделю назад даже не знали, кто они, блуждать по темным коридорам в поисках безымянного портрета. И кто вообще решил, что в академии есть этот портрет? За тридцать семь лет никто его не видел, даже профессора, но именно неопытный студентик обязательно бы его нашел...

Главный, восточный и профессорский входы были заполнены толпами мемуаров. Они не знали, куда идти, как себя вести и кого слушать, но все равно упрямо шли за кем-то одним. Я направилась к стене, опутанной диким густым плющом. Прямо за этой растительной занавеской находился еще один, скрытый ото всех (даже не каждый профессор знал о нем) проход между стенами замка. Я часто пользовалась им раньше, особенно ночью, когда возвращалась позднее, чем следовало. Но сегодня повод был более существенный – поступление новеньких. Было слишком много: людей, шума, возни.

Я оказалась в пространстве между стенами, воздух был спертый, теплый, что сильно контрастировало с холодом каменных сводов. Первое, что я сделала, - прикоснулась ладонями к полу – мне нужно было узнать, проходил ли кто-то здесь в мое отсутствие.

Кожу обожгло, в голове яркими красками вспыхивали образы: шелест платья, стук каблуков, отдающийся эхом в ушах. Девушка нервничала, спешила куда-то, но больше ничего не было. Только девушка. Брови сразу свелись к переносице, а мышцы спины затвердели – на коже остался липкий запах ее страха. Это воспоминание не повлияло на мой маршрут, я лишь решительнее шагнула в темноту.

Мои движения были тихими, ни один звук не слышался в проходе, несмотря на бешеную скорость, с которой я двигалась. Каждый камень, каждая трещина – все было мне знакомым, изученным за многие годы вылазок за стены академии.

Я быстро добралась до профессорского крыла и вышла в основной коридор, уже не скрытый от глаз мемуаров. Не было ни души, только ветер колыхал листерии, обвивающие арки над входом в профессорские комнаты. По одной стороне вдоль стен располагались старые шкафы с папками: стертых воспоминаний, биографий мемуаров. Дневной свет, прорывающийся сквозь витражные стекла, озарял пространство вокруг, делая коридор как будто шире и длиннее, отчего хотелось бежать еще быстрее. Бежать, чтобы скрыться от всех в своей комнате и выспаться перед завтрашними занятиями.

- Я думал, она не вернется, - слышалось где-то позади, но, обернувшись, я никого не увидела. Голос показался мне смутно знакомым.

Я решила, что стоит скорее добраться до кровати и заснуть. Вспомнила, что после продолжительной работы отголоски чужих воспоминаний проявляются в виде галлюцинаций, – степень истощения максимальная. Дальше последуют тошнота, головокружение и обморок. У меня был примерно час времени.

Повернув за угол, я столкнулась с мужчиной. Резко ударившись носом о его грудь, я почти упала на каменный пол.

- Слишком старый для студента, - подумала я, - Но и для профессора молод. Мантия темная, возможно приглашенный. Никаких опознавательных признаков. Оружия в руках нет, выглядит неопасно.

Мысли пронеслись буквально за секунду, еще до того, как он успел проговорить:

- Тебя не должно быть здесь, - он смотрел внимательно, словно пытался просверлить во мне дыру своим взглядом или вспомнить что-то важное.

- Наверняка, как и вас.

Не дожидаясь его ответа, я обошла незнакомца и продолжила свой путь в комнату. Придавать этому значение было бессмысленно – либо нас скоро представят, либо меня не касается. Я чувствовала спиной его прожигающий взгляд, но не обернулась. Мысли были только о чистой постели и дол-

гожданном сне. Еще пара метров, и я толкнула хлипкую деревянную дверь.

- Могли бы мне уже нормальную поставить, - шепотом произнесла я.

Убранство комнаты было бедным: одинокая кровать справа от двери, широкий темный шкаф слева и узкий письменный стол, стоящий напротив большого окна, выходящего на внутренний двор академии. Мои вещи стояли на тех же местах, что и год назад, как будто никто за все время не зашел, однако на мебели не было ни пылинки. Даже принесли новое постельное белье и подушки.

Во мне было слишком мало сил, чтобы думать о странных словах мужчины или о чем-то другом. Я хотела лишь лечь и заснуть. Но сон пришлось снова отложить. Мой взгляд упал на письменный стол. На его поверхности лежал маленький белоснежный конверт, которого (я клянусь) не было здесь и пять минут назад. Внутри оказался пожелтевший лист бумаги, исписанный непонятными символами, знаками и несвязными фразами. Снизу, мелкими буквами – *«Некоторые воспоминания возвращаются сами»*. Я пыталась вспомнить, писала ли я эти слова или, возможно, кто-то сказал их мне, но не могла.

Я еще несколько раз внимательно изучила все рисунки и надписи на листе, ответ так и не нашелся. Скорее всего, это был очередной розыгрыш для новеньких, однако конверт с его содержимым все же отправился в шкатулку, а та – в скры-

тую полку стола.

В глазах потемнело – силы иссякли. Я легла на кровать, накрылась одеялом и заснула, пока эхо прочитанных мною слов отталкивалось от стен комнаты и звучало где-то на фоне едва слышным шепотом.

Глава 2.

- Аделин! – резкий звук привел меня в чувства, - Дорогая, я за тобой не успеваю, - подбежала ко мне старшая преподавательница. Стараясь привести дыхание в норму, она отрывисто говорила о лекции для первокурсников, ожидающей меня директрисе и моей быстрой походке.

Я слушала ее невнимательно, пытаюсь вспомнить, как оказалась в этом коридоре и куда шла. Не помнила даже, как проснулась. Странное ощущение чего-то забытого не покидало меня все время нашего разговора. Даже когда мы направились в главный зал академии, даже когда меня вывели в центр, я словно не могла ухватиться за постоянно ускользающую мысль.

- Лучшая студентка выпускного курса, Аделин Сант, - объявил кто-то из преподавателей, когда я отделилась от группы студентов.

Одним из обычаев академии было официальное приветствие новеньких. Отличившиеся выпускники отвечали на вопросы, рассказывали о правилах обучения, иногда что-то подсказывали. Я надеялась, что меня это обойдет стороной, но нет...

- Как вы уже знаете, - начала я медленно и лениво, поглядывая в окно, - Эта академия не дает привычного образования. В ближайшие шесть лет вас будут обучать навы-

кам, недоступным другим людям. Обычно это: теория сновидений, история мемуаров, занятия практического вселения и управления и многое другое, название чего я уже не помню. Скоро вас разделят по группам. Какие-то предметы вы будете посещать совместно, что-то изучать отдельно. Это необх...

- Как нас будут разделять? – перебил меня студент первого ряда.

- Вопросы, - я вздохнула и прямо посмотрела на него, - принято задавать в конце. Но для вас я сделаю исключение... Академия была основана четырьмя мемуарами, имеющими разные способности: Веста могла узнать любую информацию одним прикосновением; Альтера, самая старшая, меняла отношение человека к его воспоминаниям через заклинания; Секвена вырезала ненужные воспоминания, пока человек спал; Ревена, младшая из них, придавала воспоминаниям облик и хранила их в Зале Памяти. По их именам были основаны четыре факультета: Вестигиумы, Альтеранты, Секвенты и Ревенанты. Первые – самые востребованные в современном мире, учатся добывать информацию из воспоминаний. Вторые – самые многочисленные. Примерно 50% всех студентов являются Альтерантами. Третья группа – мемуары, чья работа оплачивается дороже всех. И четвертая – самые редкие и ненадежные, поскольку их сила непредсказуема, и часто даже ее обладатель не знает всех возможностей до конца жизни. Каждого Ревенанта обучают отдельно,

но они редко доживают до выпуска.

По залу прокатилось эхо испуганного шепота. Многие за-
нервничали, стали оглядываться, возмущались. В воздухе
чувствовалось напряжение, которое преподаватели не соби-
рались развеивать. Они, как и всегда, просто ждали, когда
волна возбуждения пройдет и можно будет продолжить.

- Завтра вас распределят по факультетам, основываясь
на пробудившихся способностях, а после вы должны будете
пройти процедуру очищения, - зал затих окончательно, и я
даже смогла расслышать звук ветра за стенами академии, -
Каждому из вас предстоит избавиться от одного воспомина-
ния. Буду честна, это может быть имя вашей мамы, образ
лучшей подруги или, скажем, самый позорный день вашей
жизни. Есть ли у вас выбор? Нет. Узнаете ли вы, что именно
стерли из вашей памяти? Никогда. Ваш добровольный отказ
от части себя и своей жизни означает полное доверие и го-
товность служить на благо академии.

Следующую часть я слушала, уже стоя рядом с преподава-
телем истории мемуаров. Кажется, дальше говорили о прави-
лах: запрет на посещение академии в учебное время, запрет
на романтические отношения между мемуарами, запрет на
возвращение студентами стертых в этих стенах воспомина-
ний. Потом – о наказаниях и штрафах за непослушание и
нарушение запретов. Все слова пролетали мимо меня, едва
задевая. За шесть лет я почти выучила каждую реплику на-
изусть.

Сейчас мои мысли остановились на мужчине, с которым мы столкнулись вчера. Он стоял, опершись плечом о косяк двери и всем видом показывая свое нежелание быть здесь. Его лицо показалось мне смутно знакомым, но я не могла вспомнить ничего, даже его имени. Его скучающий вид отражал и мое настроение, я словно смотрела на саму себя со стороны. И эти мысли не на шутку повеселили меня, да так, что я даже не сдержала смешок, за что преподавательница обещала меня отчитать.

Наши взгляды встретились, и все мое тело прошиб разряд ледяного тока. Я почувствовала, как по спине еле ощутимо покатила капля пота. Он смотрел не на меня, а как будто сквозь. Глаза его были холодными, злыми, а их голубой цвет стал настолько светлым, что почти белым. Под его взглядом из меня вырвался рваный выдох, а после даже легкие онемели.

Я сделаю это для тебя.

Странные мысли, не принадлежащие ни мне, ни любому из моего окружения, пронеслись в голове быстрее молнии. Голос искаженный, словно вызывающий из-под толщи воды.

Я осторожно осмотрелась, пытаясь найти источник звука, но лишь этот странный мужчина в темной мантии прожигал во мне дыру. Однако его губы не двигались, да и я не смогла бы услышать его с такого расстояния и через такой шум.

После первой серьезной лекции я с несколькими преподавателями прошли в кабинет директрисы. Она строго отчитала меня за несдержанность, что случалось каждый раз после моего выступления перед молодыми мемуарами. Я знала, что за дверью ожидали встречи новые заказчики, но, как и всегда, надеялась поскорее с этим закончить. Одно и то же правило всегда оказывалось рабочим: чем богаче человек, тем больше времени он будет себя обелять.

На этот раз заказчиком оказался молодой господин, старший сын господина Ки, влиятельного трейдера, создавшего большую империю в Японии. Ему нужно было, чтобы опытный сильный мемуар влез в сознание его отца и нашел необходимую информацию: пароль от сейфа, важные данные последнего контракта с Соединенными Штатами. Преподаватели и сами могли с этим справиться, однако и отец-трейдер был не глуп и прекрасно понимал, что молодой наследник может обратиться к нам. Поэтому выбор пал на меня. Задание легкое – прикинуться проституткой, втереться в доверие, усыпить, достать информацию. Задание для меня слишком привычное, хоть и не самое приятное. Будет приведено в исполнение в ближайшую неделю на празднике по случаю годовщины свадьбы господина Ки. *Как иронично...*

Следующий день начался рано и неприятно. Молодых мемуаров собирали в Большом Зале на процедуру очищения. Я помнила в мельчайших деталях свой первый день. Как я пришла к этой же двери. Как ждала несколько часов своей очереди. Как видела десятки мемуаров, уже прошедших болезненную процедуру, выходявших медленно и сонно из специально пристроенного кабинета. Я помню, как оказалась там с профессором Рэйлом и как он объяснял мне правила:

- Мисс, прошу, - указал он тогда на кресло, стоящее посреди комнаты, - Обряд инициации – это не быстрое действие. Я должен буду найти в вас воспоминания, которые посчитаю нужным стереть. Вы никогда не узнаете, чего лишились. Вы осознаете это? – в ответ я бодро кивнула, надеясь избавиться от страшных воспоминаний из раннего детства, - И напоминаю вам правила академии: никогда не пытайтесь вернуть эти стертые воспоминания.

Его голос словно звучал над самым ухом, а на деле – лишь отражался от стен эхом и едва долетал до моего конца зала. Все выпускники должны были присутствовать на обряде, чтобы поучиться у старших преподавателей, возможно попробовать самим. Для этого меня и пригласили. Сегодня моей задачей стало – стирание памяти совсем юной девочки.

Когда я зашла в кабинет, та уже сидела в кресле, вжавшись в спинку и с силой сжимая подлокотники до побеления костяшек пальцев. В ее взгляде виднелся испуг и легкое непонимание. Я знала, что и сама была такой. Знала, что и она

станет сильнее, перестанет бояться процедуры стирания.

Профессор ввел ей успокоительное через безумно длинный шприц и велел мне подождать пару минут. До этого я никогда не стирала память так точно и под пристальным наблюдением, поэтому ладони мои вспотели, лопатки напряглись, словно пригвоздились друг к другу, отчего движения стали деревянными и резкими.

Прошло 4 минуты, и я села рядом с девочкой лет двенадцати. Пальцами я нащупала пульс на ее запястье и стала слушать указания профессора. Чувствуя размеренное бие сердце, я медленно проникала в сознание мемуара. Перед глазами возникли образы из ее жизни: счастливые моменты с семьей, ссоры с отцом, первый школьный день, сегодняшний завтрак. Я должна была решить, что может помешать ей стать хорошим студентом. Почему-то именно я была ответственна за ее будущее (и прошлое). Здесь не было правильного и неправильного решения, я в любом случае стирала часть человека, но только я решала, насколько значимой была эта часть.

Я окончательно проникла в ее сознание, оказалась на месте девочки в самый, как мне казалось, страшный день ее жизни. Кажется, это была гибель ее отца. Передо мной появился образ гроба, прощальной церемонии, большой толпы людей. Кто-то тихо плакал, другие не скрывали эмоций, и только в моей груди стоял ком, не нашедший выхода. Вероятно, это событие слишком травмировало мемуара, и веро-

ятно, это воспоминание следует удалить.

Я заставила образы сливаться в одно, все люди становились мутным пятном, окружение – искусственной декорацией. Эмоции стремительно слабели, тело успокаивалось, тревожные мысли покидали меня (нас). От того дня осталось только пасмурное небо, пробки на дорогах и грустное выражение лица матери. Возможно, отсутствие этой потери делает из девочки мемуара ничуть не хуже того, кто освободил ее от этой ноши.

Я сделала все аккуратно, не задев других воспоминаний, хоть и потратила на эту работу больше сил, чем следовало. Придя в себя и отпустив руку посвященной студентки, я поняла, что из носа уже какое-то время текла кровь. Подбородок, шея и воротник рубашки стали красного цвета. Профессор мне не мешал, однако после окончания процедуры никак не похвалил.

- Сходи в больничное крыло, там дадут необходимые лекарства, - бросил он холодно, даже не взглянув на меня, а после махнул рукой в сторону двери.

Из кабинета я выходила под ошарашенные взгляды молодых мемуаров и старшекурсников, но мне было все равно на них. Подобное случалось чуть ли не ежедневно, поэтому не было смысла как-то выделять одного студента из числа многих. Наша работа всегда требовала жертв: жизней, сил, крови. Я была не первая, я буду не последней – таковы традиции академии.

- Да где это больничное крыло? – ругалась я вслух спустя полчаса поисков. Последний раз я была здесь на третьем курсе после очередной тренировки на мечах. Возможно, тогда мне не стоило злить того паренька. – Я тут подохну, пока найду его.

- Дэла? – окликнул меня кто-то сзади. Я замерла. В стенах академии всего несколько человек могли называть меня так с моего позволения. Остальные знали – я разозлюсь, и тогда врача будут искать они. Кажется, даже правый глаз начал дергаться, а кровь застыла, точно по венам распространился холод.

- Какого... - я не успела развернуться, как кто-то уже обнял меня за талию.

Мои глаза встретились (слишком близко) с теми самыми мертвенно-голубыми. Несколько секунд я не могла ничего сказать – мысли путались, язык перестал слушаться хозяйку. А он продолжал оглядывать меня с ног до головы. Внутри смешались разные эмоции. И смех от осознания того, как я выглядела со стороны: растрепанные волосы, наверняка потекший макияж, кровавые следы по всему лицу и ниже. И злость от его неожиданных и нежеланных касаний. И растерянность от того, что было приятно такое внимание, хоть я и пыталась это скрыть.

- Ты сейчас упадешь, - спокойно сказал он, - Я тебе помогу.

Я резко оттолкнула его. Полностью вырваться из хватки не получилось, но увеличить дистанцию – да. Из-за моего внезапного движения мужчина не смог вовремя придержать меня, и я почувствовала тупой удар затылком о стену, а после – как кровь снова потекла по лицу. Ладонями я пыталась стереть ее с губ, но только больше пачкала одежду.

- Так, покричишь на меня потом, - шепот у самого уха. Он поднял меня на руки и быстрым шагом направился дальше по коридору. Что-то внутри меня подсказывало, что ему можно верить, но другая часть уже представляла, как я с ним разберусь после. Сейчас нужно было экономить силы.

Больничное крыло оказалось не так далеко от места нашей встречи, через несколько минут я уже лежала на белой кушетке и позволяла медсестре вытирать кожу. Она заметно нервничала, что раздражало меня еще больше. Ее беспорядочные движения заставляли головокружение и тошноту усиливаться. Пришлось закрыть глаза и стараться игнорировать все звуки вокруг. Голова раскалывалась, к горлу подкапывал неприятный ком – все во мне будто пыталось вывернуться наизнанку.

- Ты отдыхай, я позже зайду к тебе, - глаза распахнулись и сразу зацепились за удаляющуюся фигуру мужчины. Уже в самых дверях он развернулся и с улыбкой произнес:

- До встречи, Дэла.

Глава 3.

С того дня мы не виделись довольно долго. Произошло много событий, о которых он наверное и не догадывался.

Я посетила банкет господина Ки. Хотя такую работу мне приходилось делать часто, но масштаб данного мероприятия шокировал: приглашенные звезды мировой эстрады, подарки стоимостью десятки миллионов долларов, более трех сотен гостей – все это было организовано лишь с целью отпраздновать первую годовщину свадьбы. Годовщину, на которую приехали шесть проституток, ожидавших господина весь вечер в отдельном крыле здания. Девушек выбрали красивых, нарядили в самые шикарные и открытые платья. Кто-то из них пытался натянуть юбку пониже, чтобы скрыть ноги. Другие, наоборот, все сильнее наклонялись перед подчиненными Ки, открывая вид на обнаженные ключицы и грудь.

Меня их действия мало заботили. Взгляд блуждал по комнате:

- Эта дверь ведет в спальное крыло. Выбраться можно только по одному коридору. Значит, придется провести с ним несколько часов прежде, чем возвращаться. Главное – не перестараться и самой не заснуть там.

Старший наследник заранее подсказал, как вести себя с его отцом, как ему понравиться. Задача стояла несложная: надеть маску холодной безэмоциональной леди, которой

противно здесь находиться. Нас учили этому с первого дня в академии. *«Что бы ни происходило, главное – цель»*. Поэтому для меня не оказалось сложным попасть в его спальню.

Вернувшись, я получила только стопку купюр и новые распоряжения. Отличившиеся студенты старших курсов обязательно преподавали одну из дисциплин младшим. Мне поручили практику противостояний. Никогда не любила этот предмет, но по итогу он стал самым полезным в моем деле.

Суть занятия состояла в том, чтобы внушить определенную мысль или образ мемуару и научить его действовать согласно плану в любой ситуации. Первым вызвался мальчишка с сильным восточным акцентом и надменной манерой речи. Его задачей стало сохранять позитивный настрой, травить шутки, пока по телу ползали пауки (по крайней мере, он так думал). Продержался он несколько минут, потом завопил, когда почувствовал «шевеление лапок» у самого уха. Дальше – девочка, сидевшая в самом дальнем углу и рисовавшая что-то в тетради. Ее задача – сохранять меланхоличный, беспрестанный вид, пока в голове оглушительно вопила сирена. В первую секунду она подняла руку в попытке закрыть ухо, но вовремя остановилась и лишь заправила выбившуюся прядь волос. Потом – еще одна девочка, явно из

богатой семьи. Ей нужно было сыграть полное отвращение, «глядя» на самый аппетитный десерт.

Первые занятия всегда давались легко большинству. Профессора специально подбирали привычный образ, чтобы мемуар мог себя контролировать, да и внушаемые картинки были не самыми страшными. Это делало формат преподавания достаточно гуманным, чтобы студенты не сбежали из академии в эту же ночь.

Я смотрела на всех этих детей и понимала, что они устали. Возможно, даже сильнее, чем я. Но в этих стенах запрещено было останавливать занятие по любой причине, кроме смерти студента. Нас учили тому, что практика – наш главный друг и помощник. Потратив меньше времени на повторение материала, но больше – на его внедрение, мы получали похвалу и охотнее продолжали. Каждый час каждого дня отдавался под изучение нового и улучшение старого.

Я видела в глазах юных мемуаров страх, усталость и ненависть. Каждое из этих чувств было мне знакомо. Тем же взглядом я сама одаривала профессоров вплоть до третьего курса и тот же взгляд видела у своих одноклассников. На секунду пространство вокруг изменилось, открывая взор на кабинет, в котором учили меня. Привычные звуки и запахи вторглись в личное пространство, заставляя едва заметно ухмыльнуться. Но лишь на короткий миг.

Это происходило со мной каждый раз.

«Принадлежит ли мемуар себе после того, как переступит порог академии, или он навсегда становится частью системы? Его сила все еще его? А сам он человек или инструмент?»

«Могут ли быть желания у того, кто добровольно отказался от воспоминаний? Скорее всего, нет. Да и будет ли добровольным то, в чем выбора не оставалось?»

«Я стала забывать их лица, голоса. Может ли это быть из-за частого использования сил? Совсем недавно так тяжело вспоминалась фамилия. Кажется, придется делать тату с именем.»

Я вглядывалась в старые страницы дневника, который вела с первого задания. Когда-то в нем был смысл. Сейчас листы под пальцами хрустели, буквы кое-где размыло чернилами и влагой. Внутри не было чувства, что дневник принадлежал мне. Я словно воровала чужие мысли или становилась невольным свидетелем личной трагедии. Старая традиция – перечитывать записи в начале каждого года, чтобы понять, какие воспоминания полностью утратили свою значимость.

- Аделин, ты должна узнать кое-что новое, - сказал мне профессор Рэйл, когда дверь библиотеки закрылась за моей

спиной.

Огромный пространство было обставлено высокими, под потолок, стеллажами с томами разного цвета и размера. Никто не разделял книги, как в обычных библиотеках (по авторам и жанрам), здесь царил свой порядок. Первый зал предназначался для теоретических аспектов: история мемуаров, травничество, актерское искусство. Иногда студенты тратили несколько часов, чтобы найти нужный том. Второй зал – практическая часть Вестигиумов, дальше – Альтерантов, Секвентов. Большинство книг не подходили Ревенантам, поскольку мы имели разные способности и учить нас по книгам становилось пыткой.

Я знала каждый зал наизусть, могла найти, наверное, любую книгу с закрытыми глазами. Поэтому и не понимала, что профессор хотел показать мне.

Мы прошли к самому дальнему стеллажу, он взял меня за руку и поднес к стене за шкафом. Подушечки пальцев нащупали холодный шероховатый камень. Рэйл стоял за моей спиной и тихо говорил:

- Запоминай очень внимательно. Стеллаж 17Е. Справа. Подойдешь и поднимешь руку на уровень подбородка. Камни самые обычные, чувствуешь? – я одобрительно кивнула, - Два влево, пальцами нащупаешь мелкую щель. Ее не видно отсюда. Теперь просунь между камнями пальцы и потяни на себя.

Я сделала, как велел профессор. Камень тяжело, по мил-

лиметру, сдвигался в мою сторону, пока не врезался в соседний. За спиной послышался скрежет, как будто неудачно провели мелом по школьной доске. Открылась потайная дверь, а за ней показалась лестница вниз.

- Идем, - сказал профессор, кивая в сторону прохода.

Я знала, что в академии много скрытых ходов и коридоров, комнаты, спрятанные от посторонних глаз, можно было догадаться, что и библиотека хранит свои тайны. За дверью температура была ниже, но движения воздуха я не почувствовала.

- Подвал, - пронеслось в голове.

Мы стали спускаться по лестнице, позади послышался звук камня о камень. Ступать на ощупь не приходилось – стены озаряли десятки электрических подсвечников. В ушах зазвенело от перепада давления, отчего я поморщилась. Плечо обтерло холодные стены, и в голове возникли яркие образы.

Я видела, как ноги так же осторожно спускались по ступеням ниже. Слышала, как эхо отражалось от каменных сводов похожего прохода. Впереди шла высокая фигура в капюшоне. Мужчина что-то говорил мне, но я могла разобрать всего пару слов: «быстрее», «тайна», «костер». Легкие горели от недостатка кислорода, ладони потели, а мокрые волосы лезли в глаза. Это путешествие выматывало меня, заставляло ноги путаться.

Видение исчезло так же быстро, как и появилось. Мы ока-

зались в подвальном кабинете. Профессор дал мне пару минут, чтобы осмотреться, а после заключил:

- Зал Ревены. Здесь она училась сама и учила других.

Я огляделась внимательнее. Кабинет был небольшим, но хорошо обставленным: напротив двери стоял огромный шкаф с книгами, колбами и сушеными травами, посередине был начерчен уже подстертый круг. Его форма не была идеально ровной, местами линия дрожала, как и руки, державшие мел. В центре отчетливо выделялась надпись на латыни, понять которую я не смогла. Обрамляли круг ведьмовские руны и знаки.

От этого места я почувствовала очень сильную энергию и связь, непонятную, но знакомую, точно я уже была здесь в далеком прошлом. Эта сила звала меня, пробуждала внутри способности, погружала в транс. Кабинет Ревены вряд ли был тем, куда приглашают каждого выпускника. Я знала, что удостоилась великой чести – прикоснуться к личным вещам сильнейшего мемуара за всю историю существования академии.

- Зачем вы привели меня сюда? – задала я самый логичный вопрос.

- Твоя сила становится больше, знания превосходят любого ученика за последние... хммм... лет пятнадцать. Мне, как и всем остальным преподавателям, нечему тебя научить. Поэтому было решено показать тебе этот зал, чтобы ты могла сама познать учение Ревены.

Это были не те слова, что я ожидала. Когда-то мое стремление к изучению нового и улучшению навыков стало моим спасением от непрошенных мыслей. Сейчас же – моей погубью. Чем больше я знала, тем стремительнее неслась в бездну. Как только мои силы превзойдут директора и профессора Рэйла, я стану опасна для них, и единственным разумным решением будет уничтожить меня. Или стереть память, что казалось еще хуже.

Вероятно, сейчас их целью было раскрыть мои способности, чтобы получить больше возможностей влиять на политическую верхушку. Я не сопротивлялась, послушно принимала свою судьбу.

Каждый день я спускалась в этот кабинет. Здесь обнаружила личный дневник Ревены со скрытыми посланиями. Как потом оказалось, не каждый мог прочесть их. Требовались определенные умения, мои умения. Профессор Рэйл не мог считывать память предметов, я могла. Прикасаясь к страницам дневника, я видела размытый, почти прозрачный образ Ревены, использующей свои силы на других, записывающей знания, смешивающей ингредиенты для зелья.

В один из таких дней профессор Рэйл привел студента первого курса. Им оказался мальчишка с пауками. После первого месяца обучения он показывал отличные результа-

ты, выделялся из своей группы. Я удивилась, поскольку Секвент, тем более такой молодой, не имел права быть здесь. Его взгляд блуждал по стенам, перепрыгивал с меня на профессора и обратно, пальцы рук попеременно впивались в ткань толстовки.

- Сядь в центр, - сказал ему Рэйл и указал на круг на полу. После обратился ко мне, - Аделин, попробуй заклинание, о котором ты говорила мне пару дней назад.

Мое тело оцепенело, дыхание перехватило. Я говорила лишь о заклинании изменения разума. До меня его использовала разве что Ревена и, возможно, пару мемуаров, о которых мне не известно. В голове возникли противоречащие мысли: страх за вероятные последствия, желание попробовать себя в деле, непонимание целей профессората. Мальчишка мог остаться инвалидом, если я сделаю что-то не так.

- Аделин, - прогремел голос Рэйла.

Я подошла к Секвенту ближе. Глядя на него сверху вниз, я казалась самой себе еще более взрослой, сильной и значимой, а он – все более напуганным и беззащитным. Задача поставлена, настало время выполнения. Цель – создать в голове мальчика воспоминания о жизни, которой у него никогда не было: другие родители, другое детство, имя, внешность, способности.

- Вегито римуло трас, - зашептала я, прикоснувшись к его затылку. В глаза ребенку смотреть не могла, чтобы не видеть тот ужас, который пробивался из его души наружу. – Форма

ногито син.

Я проникла в его сознание, но теперь видела все не от первого лица, а со стороны. Первым появился образ родителей, светло-голубой, расплывчатый (так обычно представляют призраков в фильмах). Пальцами прикоснулась к окрашенному воздуху, провела указательным вправо, нарисовала круг – образ сменился на другой. Повернулась – высоко над головой возвышался трехэтажный дом богачей. Его я заменила стандартной квартирой в многоэтажном здании. В резко возникшей темноте слышалось имя «Ришан», с моих губ сорвалось «Дан».

Потом образы закружились вокруг спиралью, пространство наполнилось шумом десятков голосов, переходящим в крик. Хотелось закрыть уши руками, но те не поднимались. Я слышала обрывки семейных разговоров за завтраком, планы мальчика на день рождения, его обещания хорошо учиться, совсем тихое тьяканье собачки его подруги, смех одноклассников, строгие слова учителя. Все это сливалось в один протяжный звук, способный заглушить даже мой собственный голос.

Перед глазами все поплыло, меня затошнило от бесконечного быстрого водоворота сменяющихся картинок. Даже зажавшись, я продолжала видеть их, как будто все это происходило в сознании. Ноги затряслись, словно я стояла на тонкой проволоке над каньоном, легкие не справлялись с густым, как патока, воздухом.

Внезапно я вернулась в реальность, ладонью не нащупала тонких детских волос. Тело качнулось и полетело вниз, где локоть и бедро столкнулись с жестким полом. По щекам тонкими ручьями потекли слезы, хотя мне вовсе не хотелось плакать. На кончиках пальцев я ощутила легкое покалывание, как если бы до этого грела руки у походного костра. Кабинет для меня шатался, пол и потолок менялись местами, как будто задержав нас троих в воздухе. Перед глазами появлялись огромные темные пятна, загораживающие обзор, в ушах – протяжный писк. Полная дезориентация лишила меня всех чувств. Я пыталась привести дыхание и пульс в норму, поднять тело руками. Вложила всю силу и концентрацию в эти действия, и через несколько минут действительно получилось.

Профессор безучастно стоял в стороне, не приближаясь к кругу, в центре которого лежал мемуар. Все еще не твердой походкой я бросилась к нему, перевернула на спину. По его лицу текла кровь. Кажется, он отключился, как и я, но упал вперед и разбил нос. В моем сердце промелькнуло подобие жалости, но всего на мгновение. Я подняла голову на Рэйла, ожидая его слов.

- Молодец, Аделин, в следующий раз будет еще лучше, - наши взгляды встретились. В моем стоял немой вопрос, в его – холод. В этот момент я совершенно не понимала своего профессора, что он, видимо, заметил и добавил, - Этот мертв. Постарайся не убить следующего.

Все слова застряли в горле. Я смотрела на ребенка на моих коленях и не могла осознать свою причастность к такой жестокости. Прежде задания от академии приводили к гибели людей, но никогда от моей руки не умирал мемуар. Его кожа все еще была горячей, а моя – леденела с каждой секундой. Слезы высохли, сердце ударилось в ребра с такой силой, что, казалось, те едва уцелели.

«Я не плохой человек.»

«Каждый мемуар когда-то столкнется с невыполнимым приказом. И я тоже. Что тогда я сделаю с последствиями?»

«Сегодня первая кровь окрасила мои руки. Кровь насильника, причинявшего боль своей семье и подчиненным. Но это все еще была кровь человека, не желавшего умирать. Может ли чья-то жизнь иметь большую цену? Есть ли у меня право оценивать и забирать чужие?»

«Мемуары – отличные инструменты в правильных руках. Но будут ли правильными мои собственные? директрисы? профессора? Можно ли узнать заранее?»

«Возможно, я никогда не хотела такой жизни.»

«Возможно, я никогда не хотела такой силы.»

Глава 4.

Произошедшее событие совсем скоро стало известно всем профессорам и директору. Меня вызвали к последней в кабинет.

Раньше мне часто приходилось посещать его, чтобы выслушать план действий перед очередной вылазкой или комментарии к моим выступлениям перед первокурсниками, чтобы познакомиться с влиятельными заказчиками напрямую и чтобы получить консультацию по результатам курса. Сейчас я сидела совсем рядом с женщиной слегка за пятьдесят.

Она не отчитывала меня за допущенную ошибку, лишь интересовалась подробностями. Задавала вопросы о том, что я видела, как работала с сознанием мемуара, что, по моему мнению, пошло не так, каковы дальнейшие перспективы и риски. Я отвечала на автомате, как будто читала доклад, не вкладывая в свои слова эмоций, бурлящих внутри.

«Чувствительность может меня погубить. Мемуарам не нужно чувствовать, им нужно знать. И чем больше, тем лучше. Все эмоции остались за порогом академии в тот момент, когда я его переступила.»

Директриса делала пометки и схемы в блокноте, кратко записывала мои ответы, чтобы потом обсудить их с Рэйлом или задать подобные после новой попытки. В этой густой ти-

шине я пробежала взглядом по кабинету. Длинный стол в центре был завален стопками бумаг и книг, на другом его конце лежал темный плащ. Большие окна прикрыли шторами, однако комнату освещали десятки ламп, прогоняя темноту. Справа от двери находилась зона отдыха для заказчиков: пара мягких кресел, низкий круглый столик и шкаф с книгами. За спиной директрисы висели часы без цифр и указателей (что меня всегда удивляло) и портреты основательниц академии. Я задержала взгляд на них.

Первый портрет Весты, старшей из четырех сестер. Ее рисовали, когда той исполнилось уже сорок пять, поэтому блондинистые волосы смешивались с проявившейся сединой. Глаза казались прозрачными, словно она ослепла. Второй портрет – Альтеры. Еще довольно молодая девушка хитро улыбалась с картины, показывая зрителю заостренные клыки; огненно-рыжие волосы растрепались, а в темных глазах горел огонь. Все в ее облике выдавало обладательницу горячего нрава. Третья – Секвена – с волосами цвета молочного шоколада и серыми глазами. От нее исходила безумно строгая и спокойная аура, которой она окутывала свою цель и заставляла заснуть. И последний портрет – изображение Ревены. Ее рисовали в совсем юном возрасте, в том, когда еще даже не выпускаются из академии. Ее черные волосы, единственные были собраны в высокий хвост, глаза имели разный оттенок в зависимости от места, с которого ты смотришь на портрет, но всегда оттенок зеленый.

Они не выглядели, как сестры, но точно являлись ими. Я всегда думала, могли ли силы повлиять на внешность мемуара. Тогда процедура отбора и распределения стала бы намного проще, а ошибок – меньше.

- Можешь идти, - прервала мои размышления директриса.

Сегодня я выбрала самый длинный путь до спальни. В голове крутились непрошенные мысли о прошедших днях, о разговоре с профессором Рэйлом, о предстоящей вылазке и о моих пробудившихся способностях. Путь вел меня через сад Несбывшихся Надежд – самую старую и запущенную часть академии.

Когда-то здесь росли полсотни видов роз и лиан, овивающих каменные арки. Сейчас не осталось ничего, кроме сорняков и редких полевых цветов. Это место не было лучшим, но осенью оно становилось по-настоящему великолепным. Я помню, как первый раз оказалась в этой части сада ночью. Тогда я не думала задерживаться, а после очень пожалела.

Каждый осенний день, на закате, сотни светлячков слетались к небольшому пруду посреди сада. Они горели очень тускло, но вместе создавали освещение, достаточное для прогулки без фонаря. Насекомые кружились вихрем, подхватываемые дуновением ветра, и создавали в небе неповторимые узоры, точно неумело выписывали слова. А подлетая

слишком близко к воде, отбрасывали свой свет на ее поверхность. Маленькие точки превращались в отблески и рассыпались на несколько метров от роя светлячков.

Я выбрала такой путь в надежде вновь увидеть это зрелище. Когда я смотрела на витиеватый танец огоньков, в сердце рождалось давно забытое ощущение безопасности и покоя. Мне всегда казалось, что я видела нечто подобное в детстве. Но, возможно, именно эти воспоминания и стерли в мой первый день, поскольку я так и не поняла, где могла наблюдать такое чудо.

- Ты снова пришла сюда, - за спиной послышался мужской голос. Я обернулась и увидела того мужчину в темном плаще. Температура в саду резко стала ниже, пение птиц стихло, как и звуки ветра. – Вероятно, еще успеваешь посмотреть на них?

- Что, прости? – непонимающе огрызнулась я.

- На светлячков... успеваешь посмотреть? – он сделал паузу, - И что ты так на меня смотришь? Я не следил за тобой, просто... что еще тут можно делать так поздно?

Я немного расслабилась, хоть и не ответила ему. Слова показались логичными, но что-то в нем меня отталкивало. Развернувшись на пятках, пошла прочь. Мужчина направился следом. Сначала он держался на расстоянии, однако с каждой минутой сокращал его все стремительнее, пока, наконец, не оказался на расстоянии вытянутой руки. Я остановилась и посмотрела на него через плечо.

- Дэла, - с широкой улыбкой произнес он, - Почему ты снова уходишь? Неужели тебе неинтересна моя компания? Я Кассиан, – обойдя меня, мужчина протянул руку, которую я схватила и завернула ему за спину, заставляя согнуться пополам.

- Не смей меня так называть, - сквозь зубы прошептала я эти слова, а после пнула его лицом вниз. Закатила глаза и пошла дальше.

Ноги сами вывели меня к пруду как раз тогда, когда солнце скрылось за горизонтом, а его закатные лучи окрасили небо в красные и оранжевые цвета. Первые светлячки появились в паре метров, медленно пролетая мимо. Моя рука сама поднялась, вытягивая пальцы в сторону огоньков в попытке прикоснуться к их свету. Плечи расслабились, я сделала тяжелый выдох через рот.

Вид был волшебный. Словно я попала в книгу про сказочных лесных эльфов, обладающих природной магией. На секунду стало смешно от собственных мыслей о магии в прогрессивном мире, а после – от того, что сама обладала чем-то схожим. Воздух стал свежее, прозрачнее, кожаный топ стремительно охлаждался, отчего по коже побежали мурашки.

- Ты замерзнешь, - Кассиан накинул на мои плечи свой плащ. Я успела забыть о его существовании, отчего локтем ударила в живот. – Да, к тебе лучше вообще близко не подходить.

Он встал рядом, глядя в ту же сторону, что и я. Никто не

говорил. Порыв ветра колыхнул подол одежды и в нос ударил запах мужского одеколона. Я вновь погрузилась в череду чужих воспоминаний.

Было так же тепло, а плечи ощущали тот же вес верхней одежды. Ночь темнее, холоднее, воздух пропитан угрозой и нервным ожиданием чего-то страшного. Я слышала только частое прерывистое дыхание, свое и чужое. Прикоснулась к плащу – образы стали ярче. Совсем рядом прозвучал мужской голос, до боли знакомый, но я не смогла определить, кому тот принадлежал. В небе – ни звезды, ни месяца, все затянуто грозowymi тучами.

Но несмотря на все это, я ощущала спокойствие, даже хотелось спать. Мужчине явно доверял обладатель воспоминаний. Внутри поднималось волнение, похожее на юношескую радость. Все это передалось мне и осталось, даже когда я вернулась в реальность. С губ слетел короткий смешок, пояснять который я не планировала. Заметила, как руки по-собственнически схватили воротник, позволяя закутаться в одежду сильнее. Раздражение исчезло, уступив место язвительности. Хотелось что-то сказать, задеть Кассиана, но я оставила едкие замечания при себе. По крайней мере, на время.

Мы почти синхронно двинулись к пруду, где уже всюду летали светлячки, освещаемые лунным светом и отражениями с поверхности воды. Несколько насекомых сели на мои волосы, медленно передвигаясь по прядям растрепан-

ных кос. Чем ближе мы подходили, тем светлее становилось вокруг нас. Уголки губ поползли вверх, однако я сразу вернула их на место.

- Тебе здесь нравится? – тихо спросил меня Кассиан, я кивнула, - Они тебя любят. Даже не боятся садиться на голову. Стой, подожди, дай я...

Я замерла, косо посмотрев на него. Рукой он осторожно потянулся к моему лицу и снял одного светлячка. Насекомое послушно сидело на мужском указательном пальце, подсвечивая кожу. Кассиан поднял ладонь на уровень наших глаз, чтобы мы могли с двух сторон рассмотреть огонек. Я ахнула и спугнула его своим дыханием.

- Ясно, - отрезала я, - Удивительно, что они вообще подл...

Он дотронулся до моего лица, убирая прядь волос за ухо. Мои глаза расширились, руки сжались в кулаки так сильно, что ногти впились в ладонь. Кассиан смотрел на меня сверху вниз и улыбался.

- Ты очень красивая, - он наклонился так, что я кожей ощутила его дыхание, - Даже прекраснее, чем в нашу первую встречу.

Ладони легли на его шею, слегка надавили. А потом его нос встретился с моим коленом. Я всегда ненавидела, когда трогают мои волосы.

Во мне кипело раздражение после встречи с Кассианом, раздражение столь сильное, что я даже не могла спать. Внутри словно закипала кровь от невысказанных эмоций. Каждая клеточка моего тела противилась этим прикосновениям, хотелось смыть с себя воспоминания об этом вечере, как обычно смывают грязь и дорожную пыль. На одно мгновение мне показалось, что мы были знакомы задолго до той встречи в коридоре академии, но после пробудившихся от касаний к плащу образов я осознала, что ошибалась. Редкое и не самое приятное для меня чувство стало тогда приторно-сладким.

Лишнюю энергию нужно было куда-то деть, не выплеснуть на студентов, не сорвать занятия, не поругаться с профессорами, не нагрубить директрисе, не упасть в обморок из-за недосыпа. Много поводов подтолкнули меня вернуться к тренировкам.

На заднем дворе левого крыла академии располагался тренировочный зал и открытая площадка для стрельбы из лука, верховой езды, фехтования и бог знает чего еще. Нас учили всему понемногу, чтобы в будущем мы могли найти выход из любой ситуации и удачно вжиться в любую требуемую роль. Без сомнений, сегодняшнее утро было приятным, всего несколько студентов подготавливали коней.

Я взяла лук и стрелы. Мишени висели достаточно далеко, я могла подойти и не стать посмешищем, однако подумала, что возмущения во мне хватит, и осталась на месте. Правая

рука медленно вытянулась вперед, заставляя тетиву в левой с тихим скрипом натянуться. Сердце бешено колотилось, дыхание становилось ровнее, лопатки свелись к позвоночнику. Я тренировалась четыре года, не пропускала ни одного занятия, поэтому сейчас чувствовала себя вполне спокойно и сосредоточено.

Первая мишень – точно в центр. Вторая – левее. Главной целью было не идеальное попадание, а лишь процесс. Мне казалось, что уставшее и вымученное тело будет меньше сопротивляться сну, а силы, потраченные во время тренировки, иссякнут вместе со злостью, кипящей внутри.

Я выпускала стрелы одну за одной, но ни свист тетивы, ни звук удара наконечника о дерево, ни голоса студентов не перебивали эхо мыслей, заполонивших мой разум. Плечи болели, нуждались в перерыве, но я продолжала. До тех пор, пока не ощутила сильную дрожь и онемение в пальцах.

Взгляд упал на рядом стоящие мечи. Я не была любителем ближнего боя и холодного оружия, но сейчас это казалось наилучшим выходом. Вес клинка и кардио нагрузки – страх всех первокурсников. Когда-то профессора использовали их в качестве наказания за провинности. Помню, как и я подверглась такому – заставили тренироваться под дождем три часа подряд за очередной побег за стены академии.

- Профессор, могу ли я попросить вас об одном тренировочном бое? – обратилась я к молодой девушке. Ее высокий рост и сильно выделяющиеся мускулы внушали страх даже

в парней, а студентки и вовсе обходили ее стороной, но мало кто знал, что она ужасно неповоротлива из-за своих мышц.

- Тренировочные или заточенные?

- Заточенные, - я осматривала с десяток мечей, которые мы использовали на последних курсах обучения. Первые три года разрешалось сражаться только на тренировочных – их никогда не точили, поэтому лезвия не могли поранить кожу, даже полоснув по ней острием.

Мы отошли подальше. Во-первых, чтобы не поранить детей, слишком увлеченных разглядыванием окружающих их предметов. Во-вторых, чтобы поменьше зевак стали свидетелями неидеального владения мечом профессора. Территория академии не была совсем уж большой, но для тренировочных боев (будь те на мечах, ножах, шпагах или рукопашными) сделали специальное место, огороженное высоким забором, напоминавшем жалюзи.

Несмотря на то, что бой не был показательным, все правила мы соблюдали: сошлись в центре поля, пожали друг другу руки, разошлись на пять шагов и поклонились.

«Традиции – основа обучения. Нарушив их, мемуар предаст свое учение и своих союзников. Отречение от правил академии = отречение от своей силы и естества.»

«Нарушители правил должны быть изгнаны из академии с последующим стиранием памяти об этом месте.»

«Первое, чему учится любой мемуар, - следование правилам и их безоговорочное исполнение.»

Рукоять меча легла в обе ладони, пальцы крепко обви-
ли деревянный наконечник. Профессор сделала то же самое.
Наши позы стали точным отражением друг друга. Обе пре-
красно знали сильные и слабые стороны противника, но не
решались сделать первый шаг.

В стороне послышался лязг, как будто кто-то резанул ме-
таллом о металл, и мы сорвались с места. Первое движение
– точное, резкое, высекающее мелкие искры из соприкосно-
вения оружий. Я уклонилась влево – рукоять провернулась
в моих руках, изменяя угол наклона меча. Профессор нада-
вила сильнее, отчего мои запястья ощутили нагрузку.

На мгновение присев на корточки и отклонив клинок, я
вывернулась и оказалась за ее спиной. Меч прошел очень
близко к женской ноге, но не поранил. Она отпрыгнула на
шаг и развернулась ко мне. Прямо выставила меч на уровне
груди. Я развернулась, так, что клинок прошел совсем рядом
с телом, а после отвела его в сторону крутящим движением
своего.

Удар снизу был перехвачен ей – воздух снова пронзил
звон металла. Она дернула руку вверх, куда следом взметну-
лось наше оружие, и ударила меня ногой в живот. Я пошат-
нулась и отскочила на несколько шагов назад. Захотелось от-
кашляться, но профессор не давала ни секунды передохнуть.
Напала еще раз.

Я присела – удар прошел сверху, макушкой я ощутила
резкое дуновение ветра, казалось, слышала его свист. При-

двинулась ближе, ударила профессора по ноге. Та упала на бедро, но, перекатившись, быстро приняла вертикальное положение. Мы вновь оказались на расстоянии трех метров друг от друга.

Дыхание сбилось, по спине крупными каплями скатывался пот, тонкие волоски липли к вискам и падали на глаза, не давая сосредоточиться. Я смотрела на девушку напротив и думала, что она занималась этим, пожалуй, слишком долго: ни блеска на лбу, ни следов усталости, спокойное твердое, как скала, тело. Внутри поднялось, почти подскочило к самому горлу, чувство азарта и адреналина. Хотелось продолжить, зайти дальше, пока легкие не начнут гореть, ноги трястись, посылая те же сигналы выше, пока руки не потеряют способность держать меч.

Вероятно, она увидела огонь в моих глазах, отчего на ее губах появилась удовлетворенная улыбка. Она никогда не видела моего рвения к ее предмету. Привыкла наблюдать меня по ту сторону забора. Сейчас я как никогда прежде была поглощена тренировкой, отдавала всю себя, не требуя ничего взамен.

Я бросилась вперед с целью атаковать напрямую. Меч профессора описал полный круг, с легким нажимом меняя угол моего, почти выбивая тот из рук. Я оказалась на земле. Девушка занесла оружие и без особой силы опустила мне на голову. Еле успев развернуть свой клинок острой стороной к атакующему, я оказалась прижата в земле в полусидящем, а

потом и вовсе в полулежащем положении. Теперь профессор не сдерживала себя и приложила больше усилий. Меч медленно опускался к моему лицу, еще минуту – поражение.

Я пошла на риск. Полностью легла на землю, позволяя сопернице нависнуть надо мной, а после ногой перекинула ее тело через голову. Не будь девушка такой опытной, точно задела бы мое лицо или шею. Мне повезло сразиться именно с ней в этот день.

Эмоции достигли своего пика, найдя выход в резких неровных движениях рук, в неосторожном повороте ног, в силе наносимых ударов, в крике, вырывающемся при каждом отражении атаки.

Я была по профессору сильно, быстро, неумело. Она легко отводила удары мечом, поворачивалась, ловко кружила вокруг меня. Перед моими глазами стояла пелена гнева, в голове набатом звучало слово «еще». Я потеряла себя, здравый рассудок, ощущение реальности и опасности. Осталось лишь одно желание – продолжать.

- Аделин, стой! – пригрозила девушка, в очередной раз открываясь для атаки, - Немедленно остановись!

Я не слышала ее, мной овладела жажда крови, отмщения, вся злость, раздражение и страх преумножались с каждым движением. Удары сыпались градом, шумные, яростные, небезопасные. Профессор кричала что-то, но слов было не разобрать. Лязг металла стал сильнее, некоторые мышцы сводило судорогой.

- Прекрати! – рывкнула профессор, поранив мое плечо. Резкая боль, смешавшаяся с жжением, остудила мой пыл. Причем так резко, словно на меня вылили ведро ледяной воды.

Меч выпал из руки, я посмотрела на порез. Достаточно глубокий, чтобы оставить шрам, но аккуратный, чтобы не убить меня. Она действительно была мастером своего дела. Тело вытянулось по струнке, после я быстро поклонилась и прямо посмотрела в глаза профессору. Ждала ее гнева, наказания, но она только безэмоционально всматривалась в мое лицо.

«Мемуар – человек, способный совладать с любой эмоцией. Лучшие выпускники даже под страхом смерти не забывают о цели.»

«Каждый ревенант, вышедший из-под контроля, становится опасен для системы.»

Глава 5.

Все выпускники академии обязательно должны были посетить занятия всех факультетов. Особенно это касалось Ревенантов, способности которых могли раскрыться в процессе работы с новыми условиями. Именно поэтому меня назначили ведущим преподавателем у первого курса Секвентов, ассистировать у Альтерантов и наблюдать за сдачей экзаменов у Вестигиумов.

Прошедший месяц я посвятила только поступившим, ведь залог успеха – начинать со сложного и переходить к простому. Второй месяц принадлежал Альтерантам.

Я попала к взрослой женщине в очках, которая раньше метила на пост директрисы. Она казалась всем строгой и даже заносчивой, но не признал бы ее талант только глупец. К тому же, помимо обучения в самой академии, она не переставала изучать новое: получила степени по направлениям «психология масс» и «международная коммуникация», прекрасно знала 4 языка и покупала всевозможные курсы профессиональной переподготовки. В какой-то степени я была даже рада, что увижу ее в действии. Хоть и понимала, что поблажек не получу.

Ассистировать – далеко не то же самое, что и преподавать. Наверное, это даже сложнее. Когда ты преподаешь, ты сам выстраиваешь занятие и выбираешь методы и формы его

проведения, основываясь только на примерных планах, целях и рекомендациях. Однако если assistiруешь, ты обязан совершенно точно соблюдать все указания ведущего профессора, выказывать почтение и полное доверие (коих к этой женщине у меня не имелось).

Ее методы считались самыми жестокими в академии, но, признаться, самыми действенными. Альтеранты отработывали полученные навыки на однокурсниках, вызывая взаимную неприязнь, если не ненависть, и, одновременно, на себе ощущая прогресс других мемуаров. Такой подход помогал сразу увидеть достоинства и недостатки не только свои, но и чужие. Работая в группах, они учились доверять своим инстинктам и партнерам, находить золотую середину между полной независимостью и командой.

Честно признаться, всегда хотела посетить занятие по эмоциональному внушению – название интригующее. Я представляла, как два студента сидят друг напротив друга и пытаются забраться в сознание другого поглубже, обойти все ловушки и заставить противника явственно ощутить внушаемую эмоцию. На деле это выглядело иначе. Профессор выбирала одного случайного Альтеранта, чтобы на его примере показать, как раскрывается сила этих мемуаров.

- Саша, подойди сюда, - сказала она девочке за первой партой, указывая на стул перед меловой доской, - Твоя задача проста: Аделин изменяет мимолетные образы в твоей голове, как я ей скажу, ты не противишься, открываешься им.

Задача остальных, - тут она обратилась ко всей группе, - Назвать ведущую эмоцию. Вы должны ощутить ее своей силой, проникнуться несмотря на то, что вы увидите перед собой. Саша может плакать, кричать, но внутри чувствовать безмятежность. Вы должны научиться противостоять любому магическому влиянию.

Занятие прошло довольно быстро, я даже не заметила, как устала. Менять образы мне доводилось, однако так конкретно и по приказу делать это было сложно. Тем не менее, цель была достигнута, моей работой остались почти довольны, старания Альтерантов не обесценили.

«К кому предъявляются наивысшие требования? к самым востребованным? многочисленным? высокооплачиваемым? или редким? Каковы критерии оценивания работы каждого факультета? И как можно сравнивать их возможности?»

«Почему я, Ревенант, не имею права изучать медицину, психологию, посещать полицейские участки и судебные процессы в качестве обучения? Неужели наши силы настолько разные, что возникла необходимость нас разделить?»

Я надеялась, что весь курс пройдет легко и быстро, как первое занятие. Поэтому, когда мемуар после моего внушения мог только смотреть в одну точку перед собой и без-

звучно лить слезы, ни одна разумная мысль не посетила мою голову. Взгляд остановился на фигуре профессора, тело напруглось, ожидая ее реакции.

*«Мне было двенадцать, когда они нашли меня. Другим де-
сять-одиннадцать. Мы же были... детьми.»*

На ее лице не проявилось ни одной эмоции, она лишь велела мемуару выйти в туалет, умыться и вернуться в спокойном состоянии. Я вызвалась проводить мальчика. Всю доро-гу тот держал меня за руку и смотрел снизу вверх своими заплаканными глазами. На несколько секунд в моем сердце появились жалость и сожаление, сомнение в правильности действий и решений.

- Аделин, - обратился ко мне профессор Рэйл, с которым я столкнулась у мужского туалета, - После занятий зайди ко мне.

Прошло еще несколько долгих минут прежде, чем мы с Альтерантом вернулись в учебный зал. Его нетвердая походка, опущенные плечи и нервные движения выдавали настроение. Я знала, как ему тяжело. Знала, как много усилий он прикладывал, чтобы сдерживать эмоции. Знала, на сколько это было бесчеловечно со стороны профессора. Знала все это, как и то, что каждый мемуар сталкивался с подобным.

«Начало нового курса можно было легко определить по расписанию. Защита от эмоционального воздействия – первая дисциплина, которую мы повторяли каждый год. Интересно, это потому, что она самая важная или самая слож-

ная?»

Так или иначе, мое участие в мыслительном процессе никак не помогло бы ребенку. Оставалось только делать вид, что так и задумывалось изначально, и придавать мемуарам больше сил своим хладнокровием. Когда я только перешла на третий курс, тоже больше доверяла другим мемуарам, нежели профессорам. Была уверена, что в первых не так много стойкости и смелости, чтобы сохранять безучастие в момент опасности.

Я смогла вдохнуть полной грудью, лишь когда все Альтуранты покинули кабинет, а профессор разрешила мне удалиться. Конечно, она прежде детально прокомментировала мою работу и влияние на мемуаров, отчитала за «сантименты» и велела впредь забыть о том, что передо мной дети. Поскольку теперь они стали полноправными студентами, которых впереди ждали бóльшие опасности, чем строгий преподаватель.

Сразу после я отправилась в кабинет Рэйла. Он находился в крыле Секвентов, в самом его центре.

Дверь в кабинет была приоткрыта, за ней слышались голоса, поэтому я не выдавала своего присутствия. Знала, что за подслушиванием последует наказание, но чутье подсказывало, что следует сделать именно так.

- Единственная причина, по которой ты еще здесь, - расположение директора академии, - говорил спокойно профессор, в голосе которого все равно считывалось раздражение, - Будет лучше, если ты сохранишь с ней дистанцию.

- Грэгори, мой старый друг, - проговорил другой. В нем я сразу узнала Кассиана. – Почему же ты меня так не любишь? Ты же не можешь решать за нее, с кем ей следует сближаться, а с кем нет, - он задавал вопросы в ироничной манере, явно провоцируя профессора сказать больше. Я представила усмешку на его губах.

- Две минуты назад ты не был таким нахалом, - дальше преподаватель повысил голос, - Или тебя так вдохновляет присутствие Аделин.

В голове пронеслось «как он это делает?» и я вышла из своего укрытия в виде стены. Прошла вглубь кабинета молча, потом подняла в воздухе руки, как будто приподнимала подол невидимого платья, сделала реверанс и поздоровалась с Рэйлом. Я делала так каждый раз, когда чувствовала себя виноватой перед ним, знала, что его настроение (каким бы плохим оно ни было) улучшится коротким тихим смешком.

- Свободен, - бросил профессор Кассиану. Парень вышел, не забыв осмотреть меня с ног до головы, проходя мимо.

- Вы хотели меня видеть?

- Да, хочу отвести тебя в Зал Памяти.

Я уже была здесь два года назад. Все Ревенанты посещали это место хотя бы раз в жизни. Зал Памяти считался священной точкой, с которой буквально началось существование факультета. Несмотря на то, что он стал сердцем всей академии из-за содержания здесь секретов основательниц и неприкасаемых книг со стертыми воспоминаниями мемуаров, посещать его студенты могли только под присмотром курирующего профессора, а сами профессора – лишь с коллегами. Существует легенда, которая объясняет такую значимость.

Сотни лет назад, когда охота на ведьм только зарождалась, в Доффинэ родилась последняя из сестер-основательниц. Тогда же начали проявляться способности у старшей. Спустя десятилетие силы пробудились во всех четырех, однако Ревена не могла сдерживать их из-за возраста и неопытности. Жители территории заподозрили всю семью в колдовстве и устроили самую настоящую охоту, с вилами и факелами, как в фильмах. Родителей девочек сожгли заживо, Веста, защищая сестер, лишилась зрения. Они бежали на север, на отдельный остров, соединяющийся с большим материком небольшим проливом. Девушки выбрали новые имена, придумали историю своей жизни и поклялись, что никогда не откроют свой секрет посторонним.

Так и было, до тех пор, пока Альтера не влюбилась в лорда. Благодаря способностям она женила его на себе и пода-

рила сестрам шанс на лучшую жизнь. Все четверо получили титулы, деньги, положение в обществе. Вторая сестра открылась мужу, предав этим клятву. Это разбило сестер на годы, каждая пошла своей дорогой. Одна только Ревена не понимала, что произошло, и предпринимала попытки вернуть прежнее доверие.

Спустя месяцы скитаний по острову, она почувствовала знакомую энергию, но нашла совершенно не знакомую ей девушку. Так стало известно, что силы в мире есть не только у них четверых, что стало поводом к объединению.

Каждая из первых мемуаров нашла способ скрываться от гонений, применять силу только во благо себе подобным, они решили основать приют для всех, имеющих схожие силы. Постепенно разница между приходящими детьми становилась все более очевидной, поэтому возникла необходимость разделить их на отдельные группы по способностям. Сестры, являясь самыми опытными и взрослыми, делились знаниями и умениями, помогали детям и поддерживали их. Так и зародилась идея факультетов, впоследствии названных по именам могущественных мемуаров.

С расширением территории, принадлежавшей католической церкви, инквизиция подбиралась все ближе к территории сестер. Им ничего не оставалось, кроме как двигаться дальше, оставив все дорогое и любимое (Веста покинула уже ставшую родной землю, Альтера – мужа и сына, Секвена – богатых любовников, Ревена – друзей, ставших семьей во

времена ее скитаний). Это была плата за свободу.

Они нашли старый замок в самом сердце острова и поселились здесь. Для всего мира основали монастырь, где ежедневно проводили часы в молитве и чтении священных книг, на самом деле продолжая свое ведьмовское дело, развивая способности и передавая знания другим. Ревена заключила все их воспоминания в первую Книгу Истории Мемуаров, сделав ее символом их борьбы за свободу, их мудрости и силы. В Зале Памяти с того дня хранятся все книги, все истории, все тайны сестер-основательниц.

Впервые я услышала эту легенду еще на первом курсе, но поначалу считала ее выдумкой, способом директора замотивировать нас работать усерднее, чтобы не омрачить память о первых мемуарах. Когда я увидела книги своими глазами – поверила, хоть и боялась. Сейчас, имея возможность прикоснуться к истории основательниц и увидеть все своими глазами, я ощутила небывалую гордость за свое «Я».

Профессор позволил применить силу и воскресить воспоминания предмета, чтобы прочувствовать все события на себе.

Я перевернула первую страницу, которая, как и все остальные, была исписана ровным красивым почерком Ревены, заключившей собственную жизнь в эту книгу. Перед глазами появился образ Зала Памяти, каким он был задолго до моего рождения. Губы шептали заклинание, которое я произносила в реальности, чтобы профессор записал. Пальцы

правой руки, сложенные как при крещении, вытягивали из сознания воспоминания. Те мерцали полупрозрачными голубыми нитями, тянулись из виска к ладони, после закручивались в клубок вокруг руки Ревены. Мемуар остановилась, опустила пальцы на бумагу, медленно разведя их в стороны. Текст сразу начал проявляться. Буквы, рисунки, руны, знаки основательниц – все расплывалось по страницам, как круги по воде, образуя историю, которую каждый смог бы прочитать.

Я пришла в себя, выронила книгу от изумления. Взгляд зацепился за точку на противоположной стене, пальцы слегка подрагивали, как будто их вот-вот сведет судорогой. Профессор поднял том, стряхнул невидимую пыль и посмотрел прямо на меня:

- Что самое важное? – спросил он меня.

- Правила и ценности академии, - ответила я без раздумий.

- Помнить о том, кто мы есть, - исправил профессор. Впервые он говорил со мной так откровенно. – Основательницы пожертвовали многим, чтобы сегодня ты могла увидеть все сама. Ничто в мире не может быть важнее этой памяти. Ты понимаешь это?

- Да, профессор.

- Ничто, - он помедлил, проговаривая следующие слова почти по слогам, - И никто не может быть ценнее твоих сил, твоей памяти и твоей семьи.

Я замерла, проговаривая последнее слово в голове. Впервые кто-то сравнивал академию с семьей. Но разве семья – это не те люди, которые вверяют тебе свою жизнь и которым ты, не помедлив, вручишь свою?

Глава 6.

Не помню, как появилась здесь. Казалось, будто вся моя жизнь прошла в этом мгновении без начала и конца. Не осталось ни прошлого, ни будущего. Академии, мемуаров, тайн основательниц не было. Как и почти всех эмоций. Единственное чувство, которое захватило мой разум в этот самый момент, - страх. Животный, нечеловеческий страх. Такой силы, что в голове разрывалась сирена, сердце билось со скоростью полета фрегата. Еще никогда мне не доводилось испытывать неподдельный ужас, сковывающий тело и разум. Никогда до этого самого момента.

Я не помню начало пути. Помню лишь, как оступилась, чуть не свалившись в доходящую почти до колен траву. Помню, как туфли стали неудобными, и я сбросила их. Помню, как пышный подол платья цеплялся за ветки, разрывая ткань и мое сердце с одинаковым громким хрустом. Помню слезы, пеленой стоящие в глазах и застилающие взор. Помню только этот момент – мою попытку успеть.

Я бежала через поле, усыпанное цветами. Оно простиралось до самого горизонта сплошным природным ковром. Впереди блистала молния в грозовых тучах, которая на секунды освещала траву, превращая ее цвет из ярко-зеленого в серебристый. Ромашки, маки, тюльпаны – десятки видов цветов росли в огромном количестве, словно посреди поля

вдруг возникали красные, белые и розовые океаны. Ни одного кустарника или дерева – меня окружал мир, поделенный надвое. Верхняя синяя половина давила, как купол, не пропускающий ни звуков, ни света. Нижняя, пестрая, создавала ощущение полета. Я как будто перестала чувствовать ноги и взлетела.

Хруст ткани и свист ветра в ушах помогали сохранять связь с реальностью, не утонуть в липком чувстве страха. Однако его крепкие лапы обнимали меня за плечи, заставляя ускориться, даже когда закружилась голова, стопы пронзил жар от порезов и жгло легкие.

- Я должна спасти его, - звучало в моей голове. Кассиан ждал меня.

Он ждал меня там, за горизонтом. Он страдал, почти умирал, и только я могла помочь ему. Осознание этого все сильнее загоняло в состояние безнадежности. У меня оставались минуты (?) секунды (?) чтобы спасти его, а я словно замедлялась с каждым новым шагом. Мое сердце чувствовало его боль, слышало его мольбы, а ноги предательски не слушались. Все мое существо содрогалось от мысли о том, что я больше его не увижу.

Я проснулась в холодном поту, долго не могла отдышаться. Последние несколько ночей не приносили спокойствия.

Во сне мелькали странные, размытые образы: профессор, Кассиан, молодые мемуары, которых я могла видеть в стенах академии. Мы сражались, потом спасали друг друга, потом кто-то умирал. Не получалось собрать воедино этот неосторожно разбитый пазл.

В одну ночь я сбегала от Рэйла, как мыши бегут от голодного кота, в следующую – он аккуратно обрабатывал раны на моих коленях. Кассиан то целовал меня в волосы, обнимая и скрывая от неприятностей, то прижимал за горло к стене, перекрывая доступ кислороду. Мемуары умирали и воскрешались, как будто я смотрела фильм, а на последних секундах перематывала его к началу.

Все это не могло не сказаться на мироощущении и работоспособности. На занятиях я вела себя рассеянно, отстраненно, тренировки давались тяжелее, поскольку физических сил не хватало. По утрам меня встречало уставшее, с темными кругами под глазами, отражение в зеркале. Трудно было узнать в той Аделин меня. Волосы, обычно собранные в косы, перевязывались шелковой резинкой или собирались в пучок при помощи китайской палочки. Одежда изо дня в день практически не менялась.

Я продолжала ходить на все мероприятия, будь то совещания профессората или показательные экзамены мемуаров. Мои результаты не опускались ниже среднего значения. Изменения во мне заметил только Рэйл. Он не сказал того, чего я бы не знала сама, но его замечания пошатнули привычную

уверенность и спокойствие.

«Мемуар жив, пока в нем нуждаются. А нуждаются в нем, пока он полезен.»

Все вокруг казалось обычным, изменения происходили лишь внутри меня. Мемуары продолжали посещать занятия, тренировки, жаловаться на очень питательную, но слишком пресную еду, на отсутствие газировки и площадок с качелями. Эти дети еще не знали, что их ждало впереди. И я когда-то не знала. А сейчас хотела бы забыть обо всем.

В академии никто не жаловался, по красней мере, прилюдно. Все старались из последних сил сохранить образ успешного студента с отличными результатами (даже если они такими не являлись). У одних получалось, другие же быстро теряли силы и отдыхали больше положенного.

У нас было негласное разделение. Каждый факультет предпочитал проводить свободное время своим способом. Между студентами не замечали открытой неприязни, но наше различие так или иначе разобщило нас. Вестигиумы смотрели документалки о серийных убийцах, устраивали дебаты и игры по типу популярного «Бункера». Альтеранты медитировали, слушали мантры и рисовали. Один кабинет даже отдали под их работу и дальнейшие художественные выставки. Секвенты любили читать книги, очень много книг. Их хобби стало собирать мини-библиотеки в своих комнатах. А все Ревенанты отвлекались спортом и, когда профессора позволяли, небольшими вылазками в город.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.